

УДК 94(38).03
ГРНТИ 03.09.23

ПОХОД КИМОНА: КАМПАНИЯ АФИНСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА НА ЮГО-ЗАПАДЕ МАЛОЙ АЗИИ

*Д.А. БАРАНОВ, кандидат исторических наук
ВУНЦ ВВС «ВВА имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)*

В статье анализируются сведения ключевых античных нарративных источников, содержащих описание причин, хода и последствий военной акции афинского военно-морского флота в юго-западной оконечности Малой Азии во второй четверти V в. до н.э. Проводится подробный сравнительно-исторический анализ данных античной традиции и доступного эпиграфического материала. На основании системного сравнения археологических материалов с письменными источниками делается заключение о достоверности последних.

Ключевые слова: Афины; военно-политическое противостояние; Ксанф; Кимон; Ликия; Персидская империя; Эвримедонт.

KIMON'S CAMPAIGN: MILITARY COMPANY OF THE ATHENIAN NAVY IN THE SOUTH-WEST OF ASIA MINOR

*D.A. BARANOV, Candidate of Historical Science
MESC AF "N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy" (Voronezh)*

The article provides information on key ancient narrative sources that describe the causes, course and consequences of the military action of the Athenian navy in the south-western Asia Minor in the second quarter of the 5th century BC. The author carries out a comparative historical analysis data of ancient tradition and available epigraphic material. It is concluded that the reliability of the information written on the basis of their systematic comparison with the archaeological materials.

Key words: Athens, military expansion, Persian Empire, Delian League, Caria, Kimon, Lycia, Eurymedon.

Введение. Наименее изученным эпизодом греко-персидского военного противостояния во второй четверти V в. до н.э. остаётся военная кампания афинского полководца Кимона на юго-западе Анатолии (ок. 470–466 до н.э.). Следует признать тот факт, что содержание данного периода внешнеполитической активности Афин в Ликии и Карии следует рассматривать по двум основным позициям. Первая касается анализа характера похода афинского стратега Кимона с точки зрения целей и результатов (в том числе и для самих ликийцев). Вторая порождает необходимость рассмотреть ликийский субрегион под углом отражения его значимости, как стратегического пункта, фигурирующего в рамках известных греко-персидских договорённостей (в дипломатической системе, рождённой итогами военных действий).

Актуальность. С сожалением следует констатировать отсутствие специальных русскоязычных исследований, ставивших бы своей целью рассмотрение данной проблематики, несмотря на принципиальную научную важность анализа греко-персидских контактов в пределах периферийных зон культурно-политического взаимодействия.

Прямой интерес Афин к Ликии должен был возникнуть ещё в период экспедиции спартанца Павсания на Кипр в 478 г. до н.э. Она должна была пройти через Ликию (Aesch. Pers., 891–892; Thuc., I, 94; 128, 5; Diod., XI, 44, 2–3; Nep. Paus., II, 1–2; Paus., III, 4, 9), что предполагает высокую вероятность локального греко-ликийского конфликта в этой области. В противном случае, было справедливо замечено Энтони Кином, Павсаний не достиг бы восточной оконечности Средиземного моря. Упорное молчание источников по этому вопросу оставляет нас в стороне от основных событий на юго-западной оконечности Малой Азии в это время. По мнению английского исследователя, персы и их союзники испытали настоящий шок после поражений при Микале, Платеях и Саламине. Это обстоятельство не могло не повлиять на вероятное решение ликийских династов не сопротивляться растущему могуществу их греческих визави. Вовлечение общин Ликии в политическую зависимость от Делосской симмахии могло быть лишь кратковременным актом. Исследование податных списков Афинского морского союза показывает, что ликийцы вынужденно вернулись в фарватер традиционных отношений с Персидской империей уже к моменту следующей крупной экспедиции афинян и их союзников. На это указывает и информация, черпаемая нами из античных источников [1, p. 97].

Обращаясь к данным нарративов, мы обнаруживаем то немаловажное обстоятельство, что лишь два из них приоткрывают нам некоторые детали операции Кимона, которая требовала афинского вторжения в дела правителей Малой Азии. Первое сообщение содержится в жизнеописании Кимона, данном Плутархом, опирающимся на сочинение Каллисфена [2, p. 4–10]. Римский историк концентрирует своё внимание на осаде восточноликийского полиса фаселитян. Особый интерес представляют и сравнительно-историческое изыскание Диодора, выстроенное в форме описания подготовки Кимоном плацдарма для будущего сражения при Эвримедонте. Диодор, следуя за Эфором Кимским, указывает на те трудности, с которыми пришлось столкнуться афинскому стратегу в ходе военной операции в регионе (Diod., XI, 60, 4). Античный историк упоминает продолжительную военную кампанию Кимона в Карии. Особый интерес представляли «населённые эллинами полисы в прибрежной полосе» (τῶν παραθαλαττίων πόλεων ὅσαι μὲν ἦσαν ἐκ τῆς Ἑλλάδος), имевшие стратегическое значение для Афин [3, s. 159–160; 4, p. 56; 5, s. 107–110; 6, s. 44]. Некоторые из них были подчинены силой, другие Кимон смог привлечь на сторону эллинов посредством убеждения. Диодор добавляет, что подобным же образом Кимон действовал и в отношении ликийцев.

Большинство исследователей поставили под сомнение общую достоверность сведений Диодора. Предполагалось, что Ликия была вынуждена войти в морской союз сразу после сражения при Эвримедонте. На схожие измышления наводило и отсутствие соответствующих отрывков у Фукидида (Thuc. I, 100. 1). Детализированные сведения отсутствовали и в более поздних письменных источниках (Suda k 1620 s.v. Κίμων Μιλτιάδου), включая лишь некоторые намеки на подготовку к Эвримедонту без упоминания необходимых деталей, предшествовавших действия афинского военачальника. А Пауэлл крайне скептически охарактеризовал сведения Диодора о военной кампании на юго-западной оконечности Малой Азии, считая их предельно ненадёжными [7, p. 20]. К. Белох выдвинул предположение о том, что Кария и Ликия не могли быть исключены из состава персидской империи военным путём, тогда как флот персов использовал Аспенд в качестве ключевой военно-морской базы, а Кимон, по его мнению, не стал бы тратить драгоценное время на подчинение этих земель силой оружия [2, s. 159]. В противном случае у афинского полководца отсутствовала бы какая-либо существенная мотивация к военному вторжению в пределы Памфилии [8, p. 201]. М. Штейнбрейхер и ключевые комментаторы «Податных списков Афинского морского союза» справедливо отклонили такую точку зрения, признав её противоречащей всем

актуальным историческим свидетельствам [5, s. 107]. По их мнению, массовое появление городов карийского региона в податных списках (наиболее ранний из которых датируется 454–453 гг. до н.э.), показывает, что эти территории далеко не случайно оказались в составе данников союза и были подчинены исключительно военным путём.

Давно было замечено и то важнейшее обстоятельство, что некоторые фрагменты сочинения Диодора пересекаются с текстами оксиринских папирусов (Р. Оху. XIII 1610 fr. 6–13, 53 = Ephor, FGrHist № 70 F 191, 56–61). Первая половина рассмотренного отрывка практически полностью идентична тексту папируса. Принято полагать, что Диодор не использовал всю информацию, которая могла быть предоставлена Эфором, скомпилировав лишь наиболее значительные исторические свидетельства. Между тем, очевидно, что Фукидид сконцентрировал своё внимание лишь на завершающем этапе похода войск Кимона на юго-запад Малой Азии. Как и во всех прочих случаях этого афинского историка-прагматика не интересовали отдельные событийные аспекты. Некоторая информация о военной акции в Ликии и Карию сохранилась в нескольких незначительных отрывках у Плутарха (Сим., XII, 1), указывающего на вытеснение персов от побережья до границ с Памфилией. Фронтину принадлежит малоисследованное описание атаки Кимона на Карийские города (Str., III, 2, 5). Источник упоминает общий интерес полководца к некоторым из них (им упоминается разграбление святилища в одном из городов побережья Карию), что выдаёт в военной кампании её крайне нерегулярный характер. Не взирая на гиперкритицизм некоторых исследователей, правомерно признать сообщение Диодора достоверным. Отсутствие сведений о подробностях кампании Кимона на юго-западе Малой Азии в коротком сообщении Фукидида, показывает лишь поверхностность описания этой военной акции афинским историком и не может являться прямым опровержением сведений Диодора.

Стратегические потребности, предопределившие интерес Афин к юго-западной части Малой Азии, должны были вынудить Кимона решить две важнейшие для него задачи: во-первых, обеспечить плацдарм своего продвижения до Памфилии. В подтверждение важности этого прибрежного маршрута для персов можно высказать догадку о двух вероятных направлениях военных кампаний персидской армии и флота, которые следовало перекрыть войску и флоту Кимона. Первое было ориентировано на Киклады, тогда как второе (северное направление), предоставляло обширные возможности для военного удара вдоль ионийского побережья. Именно поэтому многие исследователи посчитали, что военная операция Кимона на начальном этапе носила упреждающий характер [9, p. 78–79; 10, p. 44–45]. Ключевым стратегическим пунктом, определившим главный посыл военной тактики Кимона, было старание отсечь опорную ось обоих возможных маршрутов. Таковой могла быть Ликия с её перевалочными военно-морскими базами и соседними бухтами. Молниеносные стратегические перемещения Конона в 396–395 гг. до н.э. (Hell. Оху., XII, 2–3; Xen, Hell., IV, 3, 11–12; Diod., XIV, 79, 4–8; 81, 4–6; 83, 4–7; Paus., VI, 7, 6) красноречиво показывают, что данный регион позволял персам без особого труда добраться до Родоса и карийского Херсонеса.

Вторая цель для Кимона была обусловлена значимостью организации системной поддержки со стороны уже захваченных территорий. Цели этой поддержки были артикулированы Плутархом, как попытка сделать море к западу от Кианеи (и островов) опасным для персидских торговых и военных судов (Plut. Сим., XII, 2). В этой связи весьма любопытным следует признать точное замечание О. Тройбера, указавшего на крайне незначительную возможность того, что Кимон мог бы совершить проникновение на двести миль от побережья, не обезопасив свой отход обратно, что предполагает подготовку к генеральному сражению. Кимон выказывал активность, смысл которой заключается в подчинении прибрежных территорий на срок необходимый для завершения военных приготовлений к решающему сражению [11, s. 98]. Остаётся непонятным, почему персы

выбрали для своего военного сбора Аспенд в Памфилии (Diod., XI, 61, 1; Plut. Cim., XII, 2), имея удобную гавань в бухте Фетхие, расположенную гораздо ближе? Сам этот вопрос, на наш взгляд, дезавуирует попытки утверждения позиции, согласно которой Ликия не была подконтрольна Афинскому морскому союзу вплоть до окончания военной кампании в Памфилии [9, p. 78]. Очевидно, что персидским военачальникам требовалась тактическая поддержка флота и армии, чтоб выдвинуться существенно западнее Аспенда [12, p. 195–201]. Этот тактический нюанс можно было бы объяснить тем, что непосредственно перед сражением Кимон провёл успешную военную кампанию в Ликии, не представляя, где именно будет происходить само генеральное сражение. Концентрация существенных сил персов в районе Аспенда говорит о том, что это был следующий удобный стратегический пункт сбора войск и флота после таковых в Кавне и Тельмессе (Thuc., VIII, 81, 3; 87). Здесь персы готовились осуществить стратегическую перегруппировку своих основных сил после поражений в Ликии и Карию. Но насколько оправдано предположение о затяжном характере военной кампании Кимона?

Сообщение Диодора подразумевает, что в Карию не было каких-либо мощных персидских гарнизонов, сухопутных сил и военно-морских приготовлений. Эта информация была заимствована им из работы Эфора Кимского, сохранившей лишь первую часть соответствующей фразы (FGrHist № 70 F 191, 56–61). Предполагается, что города греческих колонистов в Карию должны были явить готовность к восстанию и нуждались в присутствии персов. Насколько правомерна эта параллель и для Ликии? С нашей точки зрения, исходя из информации Диодора, также справедливо предположить отсутствие серьёзного персидского контингента в ликийском регионе. Тем более, что оборонительные функции в регионе выполнялись войсками местных династов, на которые часто опирались и сами персидские полководцы [11, s. 98].

Иранским исследователем А. Шахбази было замечено, что между смертью Кезиги (Киберниска) и началом правления Купрлли, в западной части Ликии господствовал один из представителей какой-то иной династической линии, носивший имя SpnΠαταζα. Имя династа было засвидетельствовано ликийским нумизматическим и эпиграфическим материалом. Надпись на одном из скальных погребений в Тельмессе указывает, что здесь похоронен некий Тевинезий (TAM I, 3, 1–2: tewinezēi: [s]ppñitazah ... tideimi), приходившийся сыном Спантазе. Монеты Спантазы (M 128 a–b; 214) демонстрируют изображение кабана и трискелион на аверсе и реверсе, имея довольно широкое хождение (вплоть до Лимиры). Монетный профиль этого правителя изображался в персидском головном уборе (персидской тиаре или башлыке). Это создаёт зримые сходства с подобными изображениями Керей (ликийского союзника сатрапа Тиссаферна), а позже и ставленника Автофрадата (Артембара). Можно предположить, что сам Спантаза не был этническим ликийцем, но возглавил часть персидских войск в Тельмессе в период вторжения Кимона. На это указывает анализ его имени, проведённый Шмиттом, который обратил внимание на типично персидскую его этимологию (Spantadata/Спитридат). К сожалению, имя Спантазы не упоминается в формуле xñΠαταζα (т.е. он не был назван ликийским правителем), однако наличие монет подтверждает его властные полномочия. В той же надписи из Тельмесса Спнтаза явно упомянут в совокупности с неким титулом (TAM I, 3, 2: asawāzala). А. Шахбази предположил, что Спантаза был свергнут в ходе военной операции Кимона, а затем заменён на лояльного афинам Купрлли [13, p. 66]. Спантаза/Спитридат, таким образом, получил свою власть сразу после смерти династа-участника Саламинского сражения.

Нельзя не заметить, что эти наши выводы относительно Спантазы хорошо согласуются с позднейшей ролью перса Артембара. Прямого ставленника персов, заменившего династов из семейства Гарпагидов, после смерти или свержения (возможно смещения персами) последнего представителя их рода в IV в. до н.э. Мы не можем устано-

вить так ли это было в случае со Спантазой, однако, такая реконструкция была поддержана рядом современных исследователей и видится нам вполне логичной.

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные несколько противоречат свидетельству Диодора и вторжение Кимона в Ликию могло состояться [14, р. 1383]. Раскопки в центральной части классического акрополя Ксанфа наглядно демонстрируют картину чудовищных разрушений. По оценкам археологов центр столичного города был практически полностью сожжён. Исследование мощного слоя золы подтверждает предположения о том, что значительная часть структур центра города была представлена деревянными сооружениями. Они погибли в огне пожара. Следы мощного пламени были обнаружены и в районе одной из немногих каменных структур акрополя (так называемого «Строения Б»). Была практически полностью уничтожена оборонительная стена фортификационной системы акрополя, отдельные элементы которой были построены не ранее конца VI в. до н.э. [14, р. 1387].

Представители французской археологической миссии в Ксанфе, на основании датировки элементов чернофигурной керамики, найденной в том же слое, предложили относить пожар к 475–470 гг. до н.э., что хорошо согласуется со временем вторжения Кимона. Мотивация этого акта военной агрессии могла быть предельно проста. Военный захват столичного Ксанфа означал бы крах любой попытки ликийцев оказать дальнейшее сопротивление, что позволило бы обезопасить восточный поход вглубь страны на границу с Памфилией [14, р. 1387].

Английский историк Тревор Брайс, тем не менее, критически относится к археологическим свидетельствам, справедливо указывая на отсутствие сведений о военном конфликте в долине Ксанфа у Диодора и всех прочих древних авторов [15, р. 103–104]. Он же справедливо указал на то, что пожар никак не затронул царский некрополь в центре ликийской столицы. В превосходной сохранности дошёл до нас «Могильник Гарпий» (возведён около 480 г. до н.э.). Но с другой стороны, большинство всё тех же структур пережило не менее масштабное и разрушительное вторжение римского времени. Э. Кин объясняет сохранность некрополя религиозными причинами, указав на явное нежелание захватчиков уничтожать погребения [1, р. 105–106; 16, р. 35]. Несмотря на это, мы склонны доверять данным археологии, а сообщение Диодора, как мы видели выше, не является аутентичным, что не позволяет считать его исчерпывающим. Таким образом, несмотря на кажущуюся зыбкость данных археологии, письменные источники не позволяют нам сказать что-то более конкретное относительно характера военного вмешательства афинян на территорию Ликии. В связи с этим вопрос остаётся открытым.

Нам видится весьма сомнительным предположение о быстром захвате Кимоном основных прибрежных центров каро-ликийского региона. Целым рядом исследователей было замечено, что в организованном с сугубо завоевательными целями походе Александра Великого на все военно-политические операции потребовалось больше года. Следует добавить, что македонский царь практически не имел поддержки со стороны флота. Многие населённые пункты в Карию греко-македонцы держали в плотной осаде, стараясь лишить их обитателей поддержки со стороны моря [17, р. 47–51]. Таким образом, единственным поводом к продолжению захвата ликийских территорий после взятия Ксанфа могло быть естественное желание захватить Фаселиду, потенциальную военно-морскую базу персов в восточноликийском регионе и единственную колонию основанную эллинами в Ликии [1, р. 105–106]. Известно, что последняя была крайне агрессивна настроена в отношении Афин, оставаясь верной персидской короне. Её захват предопределил бы необходимость обезопасить регион от возможных вторжений ликийцев, продолжавшихся здесь вплоть до конца последней четверти VI столетия до н.э. Это означало бы неминуемое продолжение кампании против восточноликийских династий Лимиры, дабы обеспечить здесь безопасность афинского присутствия.

Кимону так и не удалось войти в Фаселиду, ограничившись разорением её хоры (сельскохозяйственных ком) и прилегающих поселений (Plut. Cim. XII, 3–4). Нам видится, что это могло быть продиктовано, как субъективными, так и объективными обстоятельствами. Во-первых, заступничество хиосцев не позволивших афинскому полководцу с ходу взять город своих союзников, а во-вторых, в связи с вынужденным отплытием флота Кимона на запад в район Херсонеса Карийского к Книду и Триопиону (Plut. Cim., XII, 2). Столь внезапный манёвр был вызван восстанием и отложением от Афин союзного им Наксоса, что могло явиться отвлекающей тактической манипуляцией, предпринятой персами в целях приостановить военные операции афинского контингента в Ликии и Карию.

Кажется, Плутарх и Диодор подразумевают, что сражение при Эвримедонте последовало практически сразу вслед за серией военных ударов флота и армий Кимона в юго-западной Малой Азии. Плутарх сообщает, что Кимон уже находился в Книде, когда узнал о пребывании персидского флота в районе Аспенда. Данное обстоятельство вынуждало афинского военачальника вернуться на запад. Интересно и допущение Меиггса о том, что допустимый временной интервал между двумя этими акциями составлял не менее двух или трёх лет. Согласившись с такой трактовкой, следует найти объективные причины пребывания флотилии Кимона в Книде [18, p. 259]. В качестве разумного объяснения следует принять вероятность того, что здесь располагался опорный пункт сбора греческого войска [1, p. 106].

Г. Кауквелл разделяет точку зрения Р. Меиггса относительно временной протяжённости военных манипуляций афинян в Ликии и Карию. По его мнению, персидские войска должны были готовиться к сражению при Эвримедонте не менее двух лет [19, p. 47–48]. В подтверждение своей позиции он приводит примеры с достаточно длительными военными приготовлениями Ксеркса (Hdt. VII, 20,1), подготовкой к битве при Книде, начатой в 397 – 396 гг. до н.э., тогда как сражение состоялось в 394 г. до н.э. (Xen. Hell., III, 4, 1), и манипуляциями перед Египетской кампанией афинских экспедиционных сил в IV в. до н.э. (Diod., XV, 14, 2; 38, 1), которые также должны были занять какое-то весьма значительное время [20, p. 122–123]. Догадки Г. Кауквелла следует признать по большей части дискуссионными. Кин замечает, что экспедиция Ксеркса была куда более масштабной, а следовательно требовала более кропотливых подготовительных манипуляций [1, p. 100–101]. Гораздо более внятным выглядит пример с флотом, вовлечённым в сражение у Книда. Но и в этом случае значительная часть кораблей уже была готова к отплытию в 396 г. до н.э. (Hell. Оху., X, 1), что сокращало общий вероятный срок предварительной подготовки. Достаточно уместным видится лишь пример с экспедицией Мардония, подготовка которой заняла более чем значительное время, поскольку персы не смогли бы организовать свои силы сразу после событий связанных с восстанием в Ионии (Hdt., VI, 41–46).

Следует счесть крайне маловероятным тот факт, что персы готовились защищать ликийское побережье, упреждая афинскую агрессию. Достаточно быстрые перемещения Кимона могут быть объяснены затяжным характером подготовки персов к необходимости отвоёвывать уже захваченные и отложившиеся от империи земли юго-западной оконечности Анатолии, что предполагает оборонительный характер всех военных манипуляций в Аспенде [1, p. 101; 5, s. 105–106]. Таким образом, мобилизация персидских сил была реакцией на наступательные операции предпринятые Кимоном гораздо ранее столкновения при Эвримедонте [7, p. 20]. У Плутарха и Диодора достаточно чётко прослеживается мысль о том, что присутствие вражеских сил на границе Памфилии и Ликии не было известно Кимону вплоть до очистки всего юго-запада Малой Азии от военных гарнизонов персов и их союзников. Именно в этом ключе вернее всего следует понимать сообщение Плутарха (Plut. Them., 31, 3), указывающего на

масштабную подготовку и контрмеры, которые были приняты царём Персии для противодействия усилению греческого присутствия в регионе. Всё указывает на то, что в этот отрывок были инкорпорированы различные этапы военной карьеры Кимона, вплоть до времени его изгнания и смерти (Them., 31, 4–5), что объясняет туманность хронологического контекста. В свою очередь битва при Эвримедонте должна была явиться ответом на любые попытки персов противодействовать новой угрозе реставрации их владычества над уже освобождёнными частями греческих и некоторых варварских земель, что могло позволить им повторно вторгнуться в Эгейское море [2, p. 138]. Фактической причиной сражения на границе Ликии и Памфилии было старание закрепить за собой стратегически важный узел, позволявший контролировать морские коммуникации, что было важно как для эллинов, так и для варваров.

Выводы. Все эти факты позволяют предложить следующую реконструкцию действий афинского полководца [3, s. 68]. Ход военной кампании можно условно разделить на два этапа. На первом этапе у Кимона не было фактических представлений о конкретных военных планах персов и основной целью военачальника было отложение греческих полисов, тотальное разграбление земель варваров, а также ликвидация персидского присутствия, что позволяет оценить действия последнего в отношении Ликии в качестве военного набега, что и мыслилось таковым достаточно большим числом исследователей [5, s. 104–106]. Этими действиями афиняне возвращались к ситуации момента начала греко-персидских войн, когда значительная часть Малой Азии восстала против персидского господства. Теперь же такое восстание было бы поддержано со стороны внушительных сил Афин и их союзников, что ставило эллинов в гораздо более выигрышное положение по сравнению с начальным этапом войны, когда такой поддержки не было предоставлено, что и предопределило поражение ионийского восстания. Применив военную силу против западной части страны, но не успев захватить Фаселиду, Кимон спешно отправился на помощь в Наксос, тогда как в районе Книда ему пришлось повернуть назад, поскольку он узнал о серьёзных сухопутных силах персов на границе Ликии и Памфилии (Plut. Cim., XII, 2), а главным образом на Кипре (FGrHist № 70 F 191, 65; Diod., XI, 60, 6). Новые обстоятельства создавали угрозу плодам его предыдущей военной кампании. Это и вынудило его навязать невыгодный (для жителей города) договор фаселитянам, спешно завершив начатое ранее (Plut. Cim., XII, 3–4), превратив этот портовый город в основную опорную базу, закрывшую для персов путь в Средиземное море. Фаселида предоставляла в распоряжение стратега необходимый плацдарм перед сражением при Эвримедонте [3, s. 160–161]. Тройная победа, одержанная Кимоном в ходе битвы, позволяла закрепить и развить тактический успех, который принесла военная операция в Ликии, что создало решающие преимущества для дальнейшего продвижения афинян на Кипр и в Египет (Thuc., I, 100, 1; Pl., Menex., 241d; FgrHist № 70 F 191, 62–112; Lyc., 72; Diod., XI, 60, 5–62; Nep. Cim., II, 2–3; Plut. Cim., XII, 2–13, 3; Paus., I, 29, 4; Poly., I, 34, 1; Just., II, 15, 20; Euseb. Chron. Ol. 79, 4; Suda k 1620 s.v. Κίμων Μιλτιάδου), обеспечив условия для отложения греческих общин от Персии.

Многое из сказанного не включает чисто утилитарных интересов афинян к ликийским территориям, которые особенно ярко проявили себя на втором этапе их внешнеполитической активности здесь (во время Пелопоннесской войны). Хотя перспектива этих интересов и возникла в период военного предприятия Кимона. Речь идёт о заинтересованности Афин в поставках зерна из Египта и крайне качественного кораблестроительного леса (особых разновидностей кедра), в изобилии имевшегося, как в самой Ликии, так и на территории подконтрольной карийским и памфилийским общинам [1, p. 102; 4, p. 31; 21]. Большинство целей и задач политико-экономического и геополитического характера будут достигнуты Афинами несколько позднее.

REFERENCES

1. Keen A.G. *Dynastic Lycia: A Political History of the Lycians and Their Relations with Foreign Powers, c 545–362 BC*. Leiden: Brill, 1998. 268 p.
2. Blamire A. *Life of Kimon*. London: Institute of Classical Studies, University of London, 1989. 224 p.
3. Beloch K.J. *Griechische Geschichte: Bis auf die sophistische Bewegung um den Peloponnesischen Krieg*. Leipzig: Verlag von Karl J. Trübner, 1916. Bd. 2. Abt. 2. 463 s.
4. Childs W.A.P. *Lycian Relations with Persians and Greeks in the Fifth and Fourth Centuries Re-examined // Anatolian Studies*. 1981. Vol. 31. ss 55–80.
5. Steinbrecher M. *Der Delisch-Attische Seebund und die athenisch-spartanischen Beziehungen in der Kimonischen Ära (ca. 478/7-462/1)*. 1985. 173 s.
6. Tietz W. *Der Golf von Fethiye*. Bonn: Habelt, 2003. 394 s.
7. Powell A. *Athens and Sparta: Constructing Greek Political and Social History from 478 BC*. London: Routledge, 1988. 423 p.
8. Ehrenberg V. *From Solon to Socrates: Greek history and civilization during the sixth and fifth centuries B.C*. London: Methuen. 1973. 505 p.
9. Meiggs R. *The Athenian Empire*. Oxford: Oxford University Press, 1972. 211 p.
10. Davies J.K. *Democracy and Classical Greece*. MA: Harvard University Press, 1993. 328 p.
11. Treuber O. *Geschichte der Lykier*. Stuttgart: Kohlhammer, 1887. 247 s.
12. Gomme A.W. *A historical commentary on Thucydides*. Oxford: The Clarendon Press, 1945. Vol. II. 436 p.
13. Shahbazi A.S. *The Irano-Lycian Monuments. The principal antiquities of Xanthos and its region as evidence for Iranian aspects of Achaemenid Lycia (Institute of Archaeological Research publications 2)*. Tehran: International Communicators, 1975. 174 p.
14. Demargne P., Metzger H. *Xanthos in Lykien // RE*. 1967. Bd. IX. Abt. 2 ss 1375–1408
15. Bryce T.R. *The Lycians: A Study of Lycian History and Civilisation to the Conquest of Alexander the Great*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1986. 273 p.
16. Bryce T.R. *Political unity in Lycia during the «dynastic» period // Journal of the Near Eastern Studies*. 1983. Vol. 42. № 1. pp 31–42.
17. Bosworth A.B., *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 352 p.
18. Hammond N.G.L. *A History of Greece to 322 B.C*. Oxford: Clarendon Press, 1986. 691 p.
19. Cawkwell G. *The «Fall of Themistocles»*. Oxford: Oxford University Press, 1970. pp 39–58.
20. Cawkwell G. *«Demosthenes» Policy After The Peace Of Philocrates*. *Classical Quarterly*. 1963. Vol. 13(1). pp 122–123.
21. Zimmermann M. *Untersuchungen zur historischen Landeskunde Zentrallykiens*. Bonn: Habelt. 1992. 282 s.

© Баранов Д.А., 2017

Баранов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж), Россия, 394064, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А, vaiu@mil.ru